

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, имѣющаго выхо-
дить 1 и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца, въ
размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ,
3 руб., съ доставкою и пересылкою.

Подписка, статьи и разнаго рода объяв-
ленія принимаются въ Канцелярїи Главнаго
Священника Арміи и Флота: С.-Петербургѣ,
Подьяческая ул., д. № 32-й.

№ 4

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№ 4

Часть официальная.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вслѣдствіе хода-
тайства Военнаго Министра, въ 27 день Января
1890 года, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ со-
причислить Протоіерея церкви Дома Главнаго Шта-
ба Григорія *Словцова* къ ордену Св. Анны 1-й степе-
ни, за долговременную отлично-усердную и полезную
службу его.

ВОЕННОМУ ДУХОВЕНСТВУ.

Къ исполненію.

Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Великаго
Князя Сергія Александровича на имя Главнаго
Священника.

Отецъ Протоіерей

Александръ Алексѣевичъ.

СвятѢйшимъ Сунодомъ разрѣшенъ состоящему,
подъ Моимъ Предсѣдательствомъ, ИМПЕРАТОР-

СКОМУ Православному Палестинскому Обществу ежегодный сборъ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ день входа Господня во Іерусалимъ.

Сборъ этотъ, составляя главнѣйшія средства Общества, расходовался исключительно на нужды Православныхъ жителей Святой земли. Нынѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было возложить на Общество заботу объ удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ русскихъ поклонниковъ Живоноснаго Гроба Господня.

Твердо уповая на неоскудѣваемую помощь Божию, Общество съ глубокою благодарностію приняло этотъ знакъ МОНАРШАГО довѣрія, не смотря на то, что ежегодные его расходы отъ сего по меньшей мѣрѣ удвоились.

По этому прошу Ваше Высокопреподобіе оказать полное содѣйствіе Ваше къ успѣшному сбору приношеній въ пользу Общества и сдѣлать вновь распоряженіе состоящему подъ Вашимъ вѣдомствомъ духовенству о сборѣ во время всѣхъ Богослуженій въ 1890 года праздника Входа Господня въ Іерусалимъ, на основаніяхъ Мною утвержденныхъ и при семъ прилагаемыхъ.

Потребное количество печатныхъ воззваній, почученій и бесѣдъ для бесплатной раздачи, а также

надписей для блюль и кружекъ одновременно съ симъ
высылаются.

Поручая Себя молитвамъ Вашимъ, пребываю
искренно Вамъ расположенный *Сергій*.

Распоряженія Главнаго Священника.

1
25-го минувшаго Января мѣсяца отслуживъ, по
случаю праздника въ честь Божіей Матери «Утоли
моя печали» въ придѣлѣ при Владимірской полковой
церкви, въ Кронштадтѣ, Божественную литургію и
обозрѣвъ, какъ самую церковь, такъ и неподалеку отъ
нея находящійся Кронштадтскій Маріинскій домъ
призрѣнія бѣдныхъ армейскаго духовенства, считаю
долгомъ справедливости выразить мою искреннюю
благодарность О. Настоятелю Владимірской церкви,
благочинному, протоіерею Василю Салтыкову за
примѣрный порядокъ—какъ въ храмъ Божіемъ, такъ
и въ домъ призрѣнія. Въ церкви во всемъ замѣчалъ
я пастырскую ревность О. Салтыкова, а въ домѣ
призрѣнія—видѣлъ его отеческую заботливость и
разумную по веденію хозяйства опытность.

2

Нѣкоторые священнослужители военнаго вѣдом-
ства, при записи въ метрическихъ книгахъ актовъ

рожденія, брака и смерти, когда приходится обозначать лицъ инославнаго (Римско-Католическаго и Лютеранскаго) исповѣданій, не перечисляютъ всѣхъ (двухъ или трехъ) именъ, носимыхъ этими лицами, а ограничиваются однимъ, побольшей части, первымъ.

Такое веденіе записей неправильно и влечетъ нерѣдко за собою въ будущемъ сложную и затруднительную переписку.

Рекомендуется военнымъ пастырямъ въ метрическихъ книгахъ обозначать всѣ, какія въ официальныхъ документахъ показаны имена инославныхъ лицъ, когда того требуетъ актъ записи.

3

Псаломщикъ Казанской Кремлевской, во имя Христа Спасителя, церкви Николай *Крыловъ*, по болѣзни, уволенъ отъ службы и на его мѣсто определенъ, окончившій курсъ наукъ въ Олонецкой духовной семинаріи Иванъ *Урбановъ* (29-го января 1890 года).

2

Часть неофициальная.**Положеніе и задачи священника.**

(Окончаніе).

Полковой священникъ, кромѣ проповѣди въ церкви, долженъ вести въ полку и внѣбогослужебныя бесѣды¹⁾.

Судя по корреспонденціямъ за послѣдніе годы и на основаніи упомянутаго циркуляра г. Главнаго Священника, можно полагать, что теперь бесѣды ведутся во всѣхъ полкахъ и остается только пожелать, чтобы на страницахъ нашего органа въ достаточной степени выяснились то содержаніе и тотъ характеръ этихъ бесѣдъ, которыя бы болѣе соответствовали нравственнымъ потребностямъ нижнихъ чиновъ. Въ предѣлахъ настоящей статьи мы не можемъ подробно останавливаться на этомъ и ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что христіанское ученіе въ православной церкви представляетъ богатый и обильный матеріалъ для насажденія сѣмянъ вѣры и благочестія. Возьметъ ли пастырь для бесѣдъ своихъ рассказы изъ священной и церковной исторіи или объясненія Богослуженія, станеть ли раскрывать содержаніе Символа вѣры, молитвы Господней и 10-ти заповѣдей закона Божія или изъяснять Евангельскія и нѣкоторыя Апостольскія чтенія, приуроченныя къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и исторіи праздниковъ — для всего этого есть достаточныя пособія и руководства, и все это можетъ быть дѣйственно и благотворно, коль скоро самъ учитель будетъ живо проникаться содержаніемъ рассказываемаго и дѣлать жизненныя примѣненія къ быту и обязанностямъ воиновъ. Конечно, не всегда возможно преподавать воинамъ что либо цѣльное и законченное изъ области религіозно-нравственныхъ знаній, но за то въ восполненіе этого пусть проявляется забота пастыря о томъ — и это существенно важно — чтобы слушатели его во время бесѣдъ возможно глубже плѣнялись евангельской правдой и добромъ и съ тѣмъ вмѣстѣ ощущали св. негодованіе ко грѣху во всевозможныхъ его проявленіяхъ. По этому священникъ при веденіи бесѣдъ долженъ имѣть въ виду не столько обогатить ихъ религіозными знаніями, сколько пробужденіе въ нихъ тѣхъ возвышенныхъ благоговѣйныхъ движеній человѣческой души,

¹⁾ Нѣтъ нужды распространяться въ доказательствахъ необходимости этихъ бесѣдъ, когда и духовенство и общество прониклись мыслию, что священникъ не есть только требоисправитель, но учитель и нравствен. руководитель, когда въ самомъ народѣ такъ осязательно сказывается жажда къ просвѣщенію и когда такъ распространяется сектанство, каковая зараза можетъ проникать и въ ряды войскъ.

которыя, при достаточномъ оживленіи, сами собою уже ослабляютъ силу грѣховныхъ увлеченій и навыковъ и побуждаютъ къ жизни богобоязненной, честной, правдивой и трудолюбивой.

Въ интересахъ такой плодотворности бесѣдъ, пастырю необходимо знать нравственныя недуги своихъ пасомыхъ; въ этихъ видахъ полковой священникъ не можетъ игнорировать совсѣмъ извѣстныя жалобы на нежелательное влияние нижнихъ чиновъ, по возвращеніи на родину).

При всей односторонности этихъ сужденій, пастырь не долженъ однако же забывать, что молодой крестьянинъ, поступаая въ военную службу, отрывается отъ родной почвы, ограждавшей его нравственность и разстается съ кружкомъ родныхъ и знакомыхъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Понятно, что, при отсутствіи этой нравственной узды, онъ легче поддается искушеніямъ всякаго рода, особенно если ему приходится нести военную службу въ городѣ. Кому-же и ограждать его отъ соблазна, какъ не священнику своими бесѣдами. На послѣднемъ лежитъ долгъ укрѣплять его въ правилахъ христанской жизни и въ нравственной необходимости свято исполнять постановленія церкви о молитвѣ, хожденія въ церковь и т. д.. При этомъ, для успокоенія смущенной совѣсти его несоблюденіемъ поста въ полку, священникъ не преминетъ объяснить ему, что нѣкоторыя послабленія, дозволяемыя въ войскахъ относительно поста, вызываются исключительнымъ положеніемъ воиновъ, и ничуть не освобождаютъ ихъ отъ исполненія этого церковнаго постановленія по выходѣ изъ службы.

Въ каждую отдѣльную военную часть не малое количество нижнихъ чиновъ поступаетъ изъ рабочихъ на на фабрикахъ и заводахъ и изъ служителей въ трактирныхъ и питейныхъ заведеніяхъ. Эти личности, къ сожалѣнію, не отличаются чистотою нравовъ, и на нихъ священники въ бесѣдахъ своихъ должны обращать особенное вниманіе, вразумляя испорченныхъ и

Церковный Вѣстникъ, въ доказательство несправедливости такого обвиненія, приводитъ письменныя показанія приходскихъ священниковъ, которые изображаютъ типъ запасныхъ и отставныхъ солдатъ въ весьма симпатичныхъ чертахъ, выдвигая на первый планъ ихъ религиозно-нравственную стойкость и приверженность къ церкви и ея уставамъ. Не отрицая отдѣльных случаевъ высокомернаго и пренебрежительнаго отношенія къ уставамъ церкви, духовенству и благочестивымъ обычаямъ старины, упомянутый органъ объясняетъ эти печальныя явленія кратковременнымъ увлеченіемъ молодости и неопытностію, которыя безслѣдно исчезаютъ съ измѣненіемъ окружающей обстановки и обстоятельствъ жизни, когда вмѣсто городской жизни солдатъ видятъ предъ собою скромную деревенскую жизнь. «Церк. Вѣстн.», 1886 г., № 31—33. «Русская армія въ религиозно-нравственномъ отношеніи».

предохраняя пивныхъ. Личности, которые до поступления въ военную службу жили въ столицахъ и городахъ, занимаясь различными ремеслами — съ раннихъ лѣтъ уже вращаются въ испорченной средѣ и заражаются дурными примѣрами. При такомъ ихъ жизненномъ складѣ, военная служба, требующая постоянной исправности, трезвой и дѣятельной жизни и безпрекословнаго послушанія, для нихъ кажется тяжелою, и очень естественно, что ихъ своевольный духъ и навѣкъ къ разгулу ищутъ себѣ какого нибудь исхода во всевозможныхъ случаяхъ. Солдаты изъ среды крестьянъ — земледѣльцевъ не чужды образованія и религіозно-нравственнаго развитія, но, не воспитавъ въ себѣ стремленія и вкуса къ занятіямъ и развлеченіямъ благороднымъ, неспособенъ, по собственному почину, вдумываться въ явленія нравственной жизни и соображать о послѣдствіяхъ извѣстныхъ дѣйствій. Нѣтъ у него достаточно нравственной силы держаться и противодѣйствовать увлеченіямъ и соблазнамъ къ грѣху, и потому онъ легко поддается временно охватившимъ его впечатлѣніямъ и чувствамъ. Почитать душевспасительную книгу (если онъ только умѣетъ читать), поговорить о дѣлахъ и обязанностяхъ своего званія, самому подумать о томъ, какъ бы лучше выполнить требованія закона Божія и совѣсти — все это, при неразвитіи духовномъ, кажется такому солдату безынтереснымъ и скучнымъ. Не воспитавъ въ себѣ потребности и услады въ такихъ занятіяхъ, онъ не находитъ въ себѣ нравственной силы удержаться отъ удовольствій и развлеченій далеко не духовнаго характера и прежде всего пьянства, влекущаго за собою въ большинствѣ случаевъ разныя преступленія противъ военной дисциплины. Въ товарищескомъ кругу, въ день праздничный, солдатъ хочетъ только немного развлечься, но, при отсутствіи самобладанія, онъ постепенно увлекается разгуломъ и незамѣтно для самаго себя иногда доходитъ до той степени забвенія, когда движенія духовной природы, какъ то: страхъ Божій, чувство законности, приличія, стыдливости и отвѣтственности, которыя обуздываютъ его злословіе, заглушаются, а взамѣнъ ихъ пробуждаются и выступаютъ тѣ грубые, животные порывы, которые такъ обезображиваютъ падшаго чловека. Подъ влияніемъ помраченія онъ и совершаетъ такіе преступленія, какъ на примѣръ: утрата казенной собственности, самовольная отлучка отъ команды и побѣгъ, неповиновеніе требованіямъ военной дисциплины и воровство — болѣею частію мелкое.

Такова характеристика нравственнаго склада большинства сидящихъ въ карцерахъ, ищущихъ веселья въ грубыхъ удовольствіяхъ, которыя и

являются источникомъ ихъ преступленій. Но эта характеристика въ извѣстной степени можетъ быть примѣнима и ко многимъ товарищамъ ихъ по службѣ, которые еще не довели себя до означенныхъ проступковъ. А если такъ, то можетъ ли полковой священникъ, призванный пещись о нравственности своихъ пасомыхъ равнодушно относиться къ такому неправильному складу жизни? Въ этомъ отношеніи священникъ долженъ дѣйствовать подобно врачу, который если замѣтитъ въ полку появленіе какой либо опасной болѣзни, угрожающей своимъ повальнымъ развитіемъ, принимаетъ тотчасъ же предупредительныя мѣры къ ограниченію и ослабленію ея дѣйствія. Чѣмъ же лучше всего и предохранить человѣка неразвитаго отъ грубыхъ удовольствій какъ не пробужденіемъ возвышенныхъ движеній ума, сердца и воли, которыя могутъ доставлять намъ самыя чистыя и светыя наслажденія и тѣмъ самымъ уже подавлять склонность къ жизни распутной и разгульной. Правда, такое пробужденіе духовныхъ силъ человѣка достигается не однимъ только религіознымъ просвѣщеніемъ, а и всестороннимъ развитіемъ человѣка; но религіозные интересы непосредственнѣе и жизненнѣе для человѣка. Въ этой-то доступности для каждаго человѣка религіознаго чувства и заключается могучее средство, которымъ и долженъ пастырь церкви пользоваться, для подъема духовныхъ силъ своихъ пасомыхъ¹⁾.

Такъ много пользы можетъ сдѣлать полковой священникъ для религіозно-нравственнаго образованія нижнихъ военныхъ чиновъ, при усерд-

¹⁾ Прочтите, напримѣръ, житіе святителя Николая Чудотворца самому простому человеку съ маленькимъ пересказомъ и выводомъ—и онъ, при всемъ неразвитіи своемъ, будетъ плѣняться личностію этого святителя, жившаго исключительно радостями и страданіями своихъ ближнихъ и пойметъ, что и каждый изъ насъ долженъ стремиться къ развитію въ себѣ христіанской любви на столько, чтобы въ радости и счастья ближняго ощущать собственное благо и радость. Или познакомьте же такого слушателя съ житіемъ двухъ-трехъ благочестивыхъ подвижниковъ, которые, послѣ извѣстнаго искуса, и при отсутствіи всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, чувствовали въ себѣ такую полноту духовной жизни съ ея внутреннимъ міромъ, радостію и довольствомъ, охватывающими все ихъ существо, что они не промѣняли бы своего продолжительнаго уединенія ни на какую шумную жизнь съ ея развлеченіями,—нарисуйте предъ нимъ эту жизнь пустынниковъ, и онъ пойметъ, что, кромѣ внѣшнихъ благъ и удовольствій, въ нашей душѣ сокрыто много такого, что можетъ дать истинное наслажденіе при живомъ влеченіи къ Богу и при доброй, честной и правдивой жизни. Подъ вліяніемъ добрыхъ чтеній и бесѣдъ и самый неразвитой слушатель незамѣтно начнетъ заглядывать въ собственную душу и соображать—на сколько онъ живетъ по христіански, и приноситъ ли онъ пользу прохожденіемъ своего долга тому обществу, въ которомъ онъ живетъ; а съ возникновеніемъ этихъ вопросовъ, въ немъ незамѣтно станетъ зарождаться желаніе и забота, какъ бы рачительнѣе отнестись ко всему тому, что велитъ Законъ Божій и совѣсть и чѣмъ обуславливается благо и счастье людей.

номъ отношеніи къ церковной проповѣди и особенно къ внѣбогослужебнымъ бесѣдамъ.

Но чтобы эти бесѣды отличались большею задумчивостію и менѣе всего походили на отбываніе казенной повинности, священникъ непремѣнно долженъ, на ряду съ общими бесѣдами, вести еще и частныя бесѣды при особенныхъ случаяхъ (крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ). Благодаря такимъ бесѣдамъ и пастырь ближе познакомится съ внутреннею жизнію пасомыхъ, что такъ важно для жизненности самыхъ бесѣдъ и поученій, да и пасомые лучше узнаютъ своего пастыря не только по имени и внѣшнему облику, но и по внутреннимъ качествамъ его, проявляющимся въ его заботливости о спасеніи душъ ихъ. Поэтому весьма желательно, чтобы личныя непосредственныя соприкосновенія полкового священника съ нижними чинами не ограничивались только во время говѣнья, когда въ три дня нужно исповѣдать и приобщить громадную массу, такъ что бесѣдовать и поучать на единѣ некогда, но устраивались почаще и при другихъ удобныхъ случаяхъ. Подъ вліяніемъ такихъ сношеній солдаты увидятъ въ священникѣ дѣйствительно духовнаго отца, живущаго и дорожащаго ихъ духовнымъ благомъ и будутъ смѣло и съ довѣріемъ обращаться къ нему за руководствомъ и утѣшеніемъ въ различныхъ случаяхъ жизни.

Близко входя въ положеніе нижнихъ чиновъ и пріобрѣтая любовь и уваженіе, священникъ сумѣетъ своимъ авторитетомъ благотворно повліять и на лучшія отношенія фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ съ нижними чинами.

Извѣстно, какое важное значеніе въ служебномъ быту солдата имѣютъ эти ближайшіе приставники, при всегдашнемъ соприкосновеніи ихъ съ нижними чинами и при довѣрїи къ нимъ ротныхъ командировъ. Имъ приписываютъ «громадную воспитательную роль» и «вліяніе глубокое на духъ арміи и ея направленіе». Они «являются первыми учителями и руководителями солдата во всемъ», не исключая и «Закона Божія и религіи» (1). Понятно, что отъ ихъ усердія и добросовѣстности много зависитъ положеніе солдата. И священнику тѣмъ легче благотворно вліять на этихъ ближайшихъ и непосредственныхъ начальниковъ надъ нижними чинами, что все они приготавливаются къ своимъ должностямъ въ учебныхъ командахъ, гдѣ ему приходится преподавать Законъ Божій. Поэтому долгъ пастыря, какъ законо-

(1) См. указанную статью прот. В. Скворцова.

учителя, обращать особенно серьезное вниманіе на религиозно-правственное воспитаніе ихъ въ учебныхъ командахъ и почаще выяснять имъ правственное значеніе обязанностей—вахмистровъ, фельдфебелей и вообще унтеръ-офицеровъ.

Въ настоящее время, когда и правительство и общество озабочено тѣмъ, какъ бы отучить простой народъ отъ грубыхъ удовольствій и пробудить въ немъ высшее стремленіе, когда и епархіальное духовенство болѣе чѣмъ когда либо сознаетъ безотложную нужду въ религиозно-правственномъ просвѣщеніи народа, полковой священникъ, такъ взысканный царскими милостями, менѣе всего можетъ уклоняться отъ возможно лучшаго выполненія своей мисси въ полку. Не немъ лежитъ священный долгъ дать нижнимъ воинскимъ чинамъ такое религиозно-правственное воспитаніе, чтобы они, исполняя честно свой долгъ на службѣ, не только сами устояли противъ различныхъ городскихъ соблазновъ, но и, возвратясь на родину—въ деревню, могли бы, какъ люди болѣе образованные, подѣлиться съ другими своимъ духовнымъ богатствомъ.

До сихъ поръ мы раскрывали миссію полковаго священника въ средѣ нижнихъ чиновъ полка и почти и не касались того положенія, въ какое онъ долженъ поставить себя въ интеллигентномъ военномъ обществѣ, состоящемъ изъ командира и офицеровъ полка съ ихъ семействами. Конечно, и здѣсь, для занятія священнику подобающаго его сану положенія, весьма важно вмѣстѣ съ благоговѣннымъ и стройнымъ совершеніемъ Богослуженія развить въ себѣ навыкъ при всякомъ удобномъ случаѣ сказать живое назидательное слово. Но это слово будетъ дѣйственно особенно тогда, когда полковой священникъ и въ этой средѣ своихъ пасомыхъ сумѣетъ приобрести любовь и уваженіе. Подчасъ пастырь скажетъ самую простую и краткую рѣчь, состоящую изъ нѣсколькихъ теплыхъ сердечныхъ словъ, но она произведетъ свое надлежащее дѣйствіе, коль скоро слышится изъ устъ такого священника, который очаровываетъ пасомыхъ своимъ нравственнымъ обликомъ. И наоборотъ, въ устахъ священника, незаслужившаго нравственнаго довѣрія со стороны прихожанъ, и умныя рѣчи, и проповѣди наполовину теряютъ свою вліяющую силу. Поэтому для полковаго священника, находящагося въ частыхъ и непосредственныхъ соприкосновеніяхъ съ членами этой полковой семьи, существенно важно поставить себя въ самыя добрыя и благожелательныя отношенія къ полковому командиру и офицерской корпорации. Живя въ мирѣ и согласіи, пользуясь любовью и уваженіемъ, онъ

и самъ будетъ чувствовать внутреннее довольство и со стороны военно-служащихъ всегда найдетъ поддержку и содѣйствіе къ возможно лучшему выполнению своихъ пастырскихъ задачъ. Опытъ и здравый смыслъ краснорѣчиво говорятъ о томъ, какую благородную и благодарную почву представляютъ эти пасомые для образования тѣсной нравственной связи съ пастыремъ. Отсюда долгъ полкового священника употреблять все свое благоразуміе для установленія и поддержанія добрыхъ отношеній съ этою лучшею, образованною частью полка, чрезъ которую онъ успѣшнѣе можетъ проводить религиозно-нравственные начала и въ среду нижнихъ чиновъ.

Какия же средства священникъ долженъ употреблять для достиженія этой цѣли? При рѣшеніи этого вопроса, невольно припоминается то мнѣніе, что священнику, поставленному въ частыя и непосредственныя соприкосновения съ пасомыми интеллигентныхъ классовъ, неизбѣжно приходится поступаться строгостію своихъ возрѣній на жизнь и приспособляться къ ихъ вкусамъ и нравамъ; а въ связи съ этимъ установился и особый взглядъ на характеръ частной жизни полковыхъ священниковъ¹⁾. Но если такое мнѣніе, при поверхностномъ взглядѣ, и могло въ былыя времена казаться для нѣкоторыхъ имѣющихъ значеніе, то нынѣ, при серьезномъ поворотѣ общественнаго сознанія къ религиознымъ вопросамъ и при надлежащемъ возрѣніи на званіе священника, оно теряетъ всякую состоятельность.

Въ полку, какъ и всюду, священникъ прежде всего долженъ подавать «образъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою» (1 Тим. IV, 12). Какъ бы ни были хороши отношенія его къ полковому обществу, но эта близость не должна доводить пастыря до забвенія, что онъ есть *соль земли*, имѣющая цѣнность только до тѣхъ поръ, пока не потеряетъ своей настоящей крѣпости (Мф. V, 13). Для болѣе глубокаго пониманія и живого примѣненія этого изрѣченія Спасителя, слѣдуетъ помнить тотъ психологическій законъ, по которому для человечества всегда приятно и очаровательно все доброе и прекрасное. Какъ бы мы ни были нравственно слабы и несостоятельны, но это не мѣшаетъ намъ, особенно въ минуты отрѣшенія отъ внѣшней жизни съ ея удовольствіями и материальными приманками, съ чистою усладою и благоговѣніемъ созерцать нравственные облики тѣхъ людей, которые поражаютъ насъ высоко нрав-

¹⁾См. «Руководство для сельскихъ пастырей» 1886 г., №№ 21—25, статью протоіерей В. Скворцова.

ственными качествами своей души. Будутъ ли это благочестивые подвижники, или мудрецы—философы, или же безкорыстные и самоотверженные дѣатели въ различныхъ сферахъ государственной и общественной жизни, но ихъ возвышенныя идеальныя стремленія, ихъ простота и правильность въ жизни, ихъ умѣние и при самомъ скромномъ и даже бѣдномъ материальномъ положеніи находить полноту и содержательность жизни прежде всего въ глубинѣ собственнаго духа и сохранять полное довольство своимъ состояніемъ, такія и подобныя качества всегда будутъ обворожительно дѣйствовать на людей. И какъ благотворно значеніе этихъ духовныхъ свѣточей въ дѣлѣ нравственнаго пробужденія и развитія людей! Спасительнымъ свѣтомъ своей духовной жизни они умѣряютъ и ослабляютъ наши матеріальныя интересы и увлеченія, облагораживаютъ и возвышаютъ наши стремленія и побуждаютъ насъ посылно осуществлять на землѣ идеалы истины, правды и добра.

На этомъ-то законѣ о плѣнительности добра полковой священникъ, какъ и всякій пастырь, и долженъ созидать свое пастырское вліяніе на посомыхъ. Онъ долженъ стремиться къ упроченію среди нихъ такого нравственнаго положенія, чтобы быть свѣтильникомъ, стоящимъ на подсвѣчникѣ—да свѣтитъ всѣмъ имъ свѣтомъ евангельскаго слова и примѣромъ собственной жизни. Миръ всегда нуждается для распространенія правды и добра на землѣ въ такихъ людяхъ, которые бы по своему идеальному складу жизни были не отъ міра сего. Кому же въ полку прежде всего и быть представителемъ и выразителемъ этихъ идеальныхъ стремленій на почвѣ христіанскаго ученія, какъ не полковому священнику? По словамъ Спасителя, онъ есть городъ, стоящій вверху горы (Мѡ. V, 14) и на него всѣ смотрятъ, какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. Представьте же себѣ идеальнаго священника въ полку, съ глубокимъ сознаниемъ высоты своего пастырскаго положенія и долга, съ живою и энергическою заботою о благѣ своихъ посомыхъ,—пастыря, постоянно возгрѣвающего въ себѣ даръ священства чтеніемъ твореній угодниковъ Божіихъ, готоваго со всякимъ подѣлиться отъ полноты своей вѣры, знанія и духовной опытности, и съ тѣмъ вмѣстѣ истинно скромнаго, благородно уступчиваго и безкорыстнаго—безъ всякаго проявленія погони за наживой и вполнѣ довольнаго своимъ скромнымъ материальнымъ положеніемъ. Развѣ такія качества пастыря останутся въ полку незамѣченными, безъ надлежащей оцѣнки и благотворнаго слѣда? Мы не говоримъ уже о тѣхъ добрыхъ христіанахъ, которые привыкли съ

почтениемъ относиться къ священному сану: они будутъ плѣнены такими качествами пастыря. Но если бы нашлись среди его пасомыхъ и такіе, которые не привыкли видѣть въ священникѣ нравственнаго руководителя, и они почувствуютъ уваженіе и любовь къ такому пастырю. Невольно припоминается намъ при этомъ описаніе плаванія въ сочиненіи Ив. Гончарова «Фрегатъ Паллада», гдѣ выставлена въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ личность архимандрита Аввакума. Казалось бы, очень мало общаго могло быть между корпораціею морскихъ офицеровъ, особенно молодежью, и этимъ инокомъ, сосредоточеннымъ въ себѣ, завѣтными мысли и стремленія котораго витали въ иной области, повидимому, совсѣмъ чуждой складу жизни этихъ людей. Но эти то качества мудраго пастыря, какъ истаго представителя и выразителя идеальныхъ стремленій, смиренія, кротости, безкорыстія и нестяжательности—качества, чуждыя міру сему въ евангельскомъ смыслѣ сего слова, и привлекали къ нему сердца молодыхъ офицеровъ,—настолько, что и по окончаніи плаванія, какъ мы слышали, они не прекращали съ нимъ духовнаго общенія, когда онъ находился на покоѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Не говорить ли это ясно, что и военная молодежь всегда отзывчива къ прекраснымъ качествамъ пастыря и доступна для благотворнаго вліянія симпатичной личности.

Жизнь подъ руководствомъ такого идеальнаго пастыря, мало этого, даже воспоминаніе о немъ невольно возбуждаетъ въ душахъ посомыхъ тотъ идеальный міръ правды и добра, который каждый изъ насъ долженъ посылно осуществлять—во имя Христова—въ своей жизни и дѣятельности¹⁾.

Изъ этого основнаго воззрѣнія на положеніе военнаго священника въ средѣ офицеровъ само собою вытекаетъ и то, какъ онъ долженъ вести себя въ различныхъ отдѣльныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей частной и общественной жизни. И въ этомъ отношеніи и къ жизни полковаго священника могутъ быть вполне примѣнимы руководственные правила, изложенныя въ прекрасномъ сочиненіи профессора Кіевской духовной академіи, г. Пѣвницкаго подъ названіемъ: «Священникъ».

На основаніи слова Божія, апостольскихъ и соборныхъ правилъ и ученія отцевъ Церкви, авторъ въ живыхъ краскахъ начертилъ идеальный

¹⁾ См. «Фрегатъ Паллада» Ив. Гончарова, т. 2-ой, стр. 574—577 и 589.

портретъ пастыря церкви и постарался раскрыть, каковъ онъ долженъ быть въ своей жизни примѣнительно къ условіямъ нашего времени.

Такъ какъ это прекрасное сочиненіе не каждый изъ полковыхъ пастырей можетъ имѣть, то, полагаемъ, не будетъ излишнимъ изложить мысли автора по нѣкоторымъ вопросамъ на страницахъ нашего органа.

Протоіерей Григорій Фалютинскій!

Советы духовнаго отца духовнымъ дѣтямъ, полезные всегда и особенно въ дни великаго поста.

*Докайтесь, приблизитесь царствіе
небесное. МѠ. III, 2.*

Въ великомъ посту православные христіане имѣютъ благочестивый обычай исповѣдываться и святыхъ Христовыхъ Таинъ приобщаться. Этотъ спасительный долгъ можно, конечно, исполнять и во всякое другое время года, но дни святой четырехдесятницы особенно къ тому благоприятны. Службы великопостныя проникнуты такимъ духомъ, который располагаетъ грѣшное сердце наше къ покаянію.

Изъ всѣхъ перковныхъ пѣсней, какія слышимъ мы въ храмахъ Божіихъ въ святые дни четырехдесятницы, особенно сильно дѣйствуютъ на душу молитвенныя слова, возносимыя ко Господу на преждеосвященной литургіи, съ колѣнопреклоненіемъ. Я разумю здѣсь четыре стиха царя Давида, которые поются передъ царскими вратами, и которые глубоко трогаютъ и умиляютъ слушателей.

Вотъ эти чудные стихи:

1. *Да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою: воздвѣяніе руку мою жертва вечерняя.*

2. *Господи, воззвахъ къ тебѣ, услыши мя: вонми гласу моленія моего, внемли воззвати ми къ тебѣ.*

3. *Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ.*

4. *Неуклони сердце мое въ словеса лукавствія, нещевати вины о грѣсахъ* ¹⁾

Въ нихъ грѣшная душа горько оплакиваетъ свою виновность передъ Богомъ, слезно вопіетъ къ Отцу Небесному о помощи, и пламенно молить Господа предохранить ее отъ празднословія и лукавства—пороковъ, насколько распространенныхъ, настолько же и губельныхъ. Великій знатокъ сердца человѣческаго, царь-пророкъ Давидъ проникаетъ въ самую глубину его, и приведенными молитвенными словами вызываетъ въ немъ чувство сокрушенія и раскаянія.

Всегда и вездѣ сіи святія чувства спасительныя для человѣка, а въ дни говѣнія и поста существенно необходимы. Что будетъ за исповѣдь, безъ искреннаго сознанія грѣховъ? Какъ дерзнетъ человѣкъ принять пречистое тѣло и честную кровь Христа, неомывши душу свою слезами покаянія?

Мы грѣшимъ такъ много, такъ часто и такъ тяжело, а каемся такъ мало, рѣдко и такъ невнимательно: насъ надобно понуждать, вести къ раскаянію. Псалмопѣвецъ и царь Давидъ—великій учитель и образецъ покаянія. Не напрасно церковь, чадолубивая Мать наша, въ великомъ поству, на преждеосвященныхъ литургіяхъ, избрала и воспѣваетъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвенныя слова его: ими надѣется она, мудрая наставница, тронуть и смягчить наше черствое и холодное сердце.

Любить православный народъ святія пѣсни эти; многіе христіане, даже неграмотные, знаютъ ихъ наизусть—такъ онѣ всѣмъ по душѣ, по сердцу.

Что любишь, о томъ и думать, и говорить и читать пріятно.

Надѣюсь, что краткую бесѣду мою на трогательные, всѣми такъ излюбленные стихи царя Давида духовные дѣти мои прочтутъ безъ скуки, а быть можетъ, и не безъ пользы: дай Богъ!

Отеческіе совѣты мои направляю къ грѣшникамъ, но грѣшникамъ кающимся. Покайтесь!

Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!

Такъ взываетъ ко Господу поющій клиръ и за нимъ въ душѣ и каждый христіанинъ, стоящій на преждеосвященной литургіи въ храмъ Божіемъ.

¹⁾ Псал. 140, ст. 2, 1, 3 и 4.

Что означаютъ молитвенныя слова эти? Исправляться можетъ и должно только то, что неладно, нехорошо, неправильно. Ужели и молитва можетъ быть недостойна и грѣшна? Ужели и это святое дѣло ведется у насъ не по святому. Да, у грѣшныхъ людей самое высокое и чистое не всегда совершается безупречно: это, къ несчастію, нерѣдко бываетъ и съ молитвою.

Такъ или иначе, долго ли коротко ли молимся мы всѣ, или по крайней мѣрѣ почти всѣ. Въ извѣстные часы дня (утромъ и вечеромъ), передъ началомъ и послѣ окончанія работы, предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ, по установленію св. Церкви, кладемъ мы Господу нѣсколько поклоновъ. Въ дни воскресные и праздничные ходимъ къ службамъ Божиимъ хотя на часокъ: но все это большая часть изъ насъ исполняетъ по привычкѣ, по заведенному порядку, а не по усердію и не по влеченію сердца. Отъ этого бываетъ вотъ что: стоитъ человекъ на молитвѣ, произноситъ слова молитвы, крестится и кланяется, а на душѣ у него нѣтъ никакой молитвы: умъ и сердце заняты совѣмъ другимъ, помыслы и чувства блуждаютъ по житейскимъ заботамъ и хлопотамъ. Такихъ богомольцевъ осудилъ самъ Спаситель Христосъ, сказавъ: *приближаются ко Мнѣ люди уста своими, и устами чтутъ Мя; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же (напрасно) чтутъ Мя.* (Мѣ. 15 гл., 8 ст). Кто молится только одними словами, однимъ языкомъ, безъ сердца, того молитва бездушная, мертвая, Господу негодная: пусть она согрѣется любовью къ Богу, проникнется сознаниемъ виновности передъ Нимъ, — пусть улучшится, *исправится!*

Не охотно мы приступаемъ къ молитвѣ, и, когда начинаемъ молиться, скоро утомляемся. Сознаемъ, что надобно молиться, грѣхъ не молиться, и все таки мало, лѣниво молимся. Самому на себя человеку становится досадно: отчего молитва его такъ суха и холодна? Наше нерадѣніе къ молитвѣ происходитъ отъ того, что мы не любимъ молитвы: что человекъ любить крѣпко, горячо, надъ тѣмъ трудится онъ безъ усталы, съ полнымъ удовольствіемъ. Любимая работа, хотя-бы и не легкая, никогда человеку не наскучитъ: по опыту мы знаемъ это. Молитва — не работа, не трудъ, а утѣшеніе — наслажденіе: такъ понимаетъ ее святая церковь, такъ смотрѣли на нее угодники Божіи, такъ цѣнятъ ее и всѣ благочестивые христіане. Какъ воздухъ необходимъ для дыханія, пища для тѣла, крылья для птицы, такъ, учили святые праведники, молитва потребна для души. И молились, и молятся усердно, пламенно, неустанно люди, преданные Богу! Отчего-же

съ нами и у насъ не такъ? Оттого, что мы не ощущаемъ, не испытываемъ, или мало и рѣдко испытываемъ наслажденіе въ своей молитвѣ. Для насъ молитва повинность, которую отбываемъ мы по заказу, по паряду. Чтобы насъ влекло на молитву, этого мы не знаемъ. Развѣ пришибеть какое горе, обрушится бѣда, и не къ кому обратиться за помощью: такъ мы къ Богу. Но тутъ нужда, а не любовь становится насъ на молитву.

Даже и въ напастяхъ своихъ призывать Господа на помощь мы не умѣемъ. Сердце наше, всѣми чувствами прикованное къ земному, въ тяжкія минуты жизни до того теряется, до того отчаевается, что забываетъ все, кромѣ предмета скорби. Не льются изъ него молитвенныя слезы, и слышатся глухіе вздохи недовольства и ропота. «За что Господь меня караетъ? Гдѣ правосудіе Божіе? Покинулъ, забывъ меня Господь», — сіи, и подобные безумные глаголы повторяемъ мы, нетерпѣливые въ дни скорби и печали.

Гдѣ взять этого молитвеннаго огня, который такъ согревалъ и согреваетъ сердца людей богобоязненныхъ? Чѣмъ и какъ снискать его? Усердіемъ, постояннымъ и ревностнымъ усердіемъ къ молитвѣ. Каждое чувство, и доброе и злое, растетъ и крѣпнетъ въ души челоуѣка постепенно, требуя себѣ пищи и удовлетворенія. Наклонности, привычки, страсти мы развиваемъ въ себѣ мало-по-малу, а не вдругъ, и въ развитіи ихъ принимаемъ дѣятельное участіе. Это относится и къ молитвѣ. Усерднымъ богомольцемъ никто не родится, а дѣлается такимъ со временемъ, послѣ многихъ и долгихъ упражненій и трудовъ. Въ этомъ вполне убѣждаетъ насъ жизнь святыхъ угодниковъ, которые продолжительною и частою молитвою развивали въ себѣ такую любовь къ молитвѣ, что спѣшили въ Храмъ Господень, какъ жаждущій олень на источники водныя.

Мы, нерадивые богомольцы, рѣдко, мало и неохотно приступающіе къ молитвѣ, дивимся, что молитва наша такая холодная, безжизненная. Было-бы совсѣмъ дивно, если-бы она была горячая и пламенная. Научись молиться, научись молиться съ дѣтства — отъ юности, — молиться не языкомъ только, а сердцемъ, — молись какъ можно внимательнѣе, чаще, — и полюбишь молитву, и найдешь въ ней сладость и утѣшеніе. По собственной винѣ неумѣлые, нерадивые въ молитвѣ, мы ждемъ отъ своей молитвы теплоты, горячности: откуда она къ намъ придетъ? Съ неба, отъ Бога? Но благодать Господня преподается только вѣрующему, ищущему, трудящемуся, но никакъ не безпечному. Отъ раба лукаваго и лѣниваго и тотъ

единый талантъ, который былъ ему дарованъ, отнимется: такъ вѣщаетъ не-
 преложное слово Евангелія (Мѡ. 25 гл., ст. 29). Недостатокъ усердія, невнимательность, нерадѣніе вездѣ, даже въ са-
 мыхъ обыкновенныхъ житейскихъ занятіяхъ не похвальны, а въ такомъ
 святомъ дѣлѣ, какъ молитва, вполнѣ преступны. И тѣмъ болѣе печально,
 что небреженіемъ къ молитвѣ люди добровольно лишаютъ себя богатаго
 источника утѣшенія и нравственнаго подкрѣпленія, — источника, въ кото-
 ромъ они такъ много нуждаются, и которымъ всегда служила и служить
 для души вѣрующей усердная молитва. Попробуйте приложить по больше
 усердія къ молитвѣ, и она вамъ не только не послужитъ въ тягость, а на-
 противъ будетъ пріятна и отраднa! она непременно улучшится, исправится!

Молитвою мы выражаемъ предъ Господомъ свои чувства и желанія;
 молитва—это бесѣда человѣка съ Богомъ. А какъ часто слова молитвы
 въ жизни нашей расходятся съ дѣлами! Молимся объ одномъ, а дѣлаемъ
 совсѣмъ другое. Устами произносимъ: «*да будетъ воля Твоя, Господи*»,
 а на дѣлѣ желаемъ все поставить на своемъ, вездѣ устроить по своему
 произволу, по своимъ прихотямъ, постоянно ропщемъ и недовольны. На
 словахъ просимъ себѣ у Бога «*хлѣба насущнаго*», то есть только самага
 необходимаго и потребнаго въ жизни, а поступками заявляемъ ненасытимую
 жажду къ приобрѣтенію: какъ бы побольше нажить богатства. Зависть
 мучитъ насъ сплошь и рядомъ. Прося у Господа прощенія своихъ беззакон-
 ній, языкомъ обѣщаемъ *оставить должникомъ нашимъ долгъ ихъ*, согла-
 шаемся простить имъ всѣ обиды и огорченія, намъ причиненныя, а на дѣлѣ
 не то: постоянно злобствуемъ и враждуемъ, — *воздаемъ око за око, зубъ
 за зубъ*. Иногда, что особенно непростительно, по своему пустому само-
 любію, обиды и огорченія находимъ тамъ, гдѣ ихъ намъ и недумали дѣ-
 лать. Судите сами, пріятна ли Господу будетъ молитва, святымъ словамъ
 которой противорѣчатъ наши дѣла: уста говорятъ одно, а сердце дѣлаетъ
 другое. Надобно стараться, чтобы молитва наша проникала въ душу, и
 своею святою силою направляла наши желанія и поступки на путь — правый,
 чтобы впечатлѣніе ея на сердце было и глубокое и продолжительное. Благо-
 честивые порывы, молитвенныя воздыханія, если изрѣдка и посѣщаютъ
 нашу душу, почти всегда бываютъ минутныя и скоропроходящія. Пере-
 стаемъ молиться, оканчивается и наше доброе настроеніе; за вратами церкви,
 отойдя отъ святой иконы, мы отдаемся и умомъ и сердцемъ житейской
 суетѣ, и совершаемъ поступки, отъ которыхъ за нѣсколько минутъ передъ

тѣмъ молили Господа насъ предохранить. Пусть у насъ за словомъ молитвы слѣдуетъ дѣло добра,—тогда она, какъ еиміамъ кадильный, будетъ и благоуханна и доступна до Бога.

Находятся между нами и такіе богомольцы, которые просятъ Господа о предметахъ пустыхъ, суетныхъ, — о такихъ вещахъ, которыя составляютъ забаву, прихоть. Неразумные, они не вѣдаютъ, *чего просятъ*: ихъ желанія похожи на желанія избалованныхъ, испорченныхъ дѣтей. Такія молитвы огорчаютъ Бога. Еще болѣе прогнѣвляютъ Отца Небеснаго тѣ люди, которые, въ пылу гнѣва и досады, призываютъ кару Господню на своего ближняго. Нашъ Богъ есть Богъ любви: всякая злость Ему противна.

Господи, научи насъ молиться, просили Своего Божественнаго Наставника І. Христа, во время Его земной жизни, сами святые апостолы. Тѣмъ болѣе каждый изъ насъ, въ чувствахъ глубокаго сознанія своей грѣховности, долженъ какъ можно чаще взывать на небо, къ Богу: *«ди исправится молитва моя!»*

II.

Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя: вонми гласу моленія моего, внигда воззвати ми къ Тебѣ. Услыши мя Господи!

Это—второй стихъ, который св. Церковь на преждеосвященной литургіи съ колѣнопреклоненіемъ воспѣваетъ Господу. По русски его можно передать такъ: «Господи, взываю къ Тебѣ, умилосердись надо мною: услышь вопль молитвы моей. Когда я молюсь Тебѣ, услышь меня Господи!» Сколько силы, настойчивости и надежды получить желаемое звучитъ въ этихъ молитвенныхъ словахъ! Какая глубокая скорбь, какія горькія слезы слышатся въ нихъ! Грѣшникъ, оплакивающій свою виновность передъ Господомъ и сознающій все свое безсиліе воззвать—исправится, повергается на колѣни, и громко зоветъ на помощь своего Творца, Бога и Отца.

Воздыхаль, глубоко въздыхаль всю свою жизнь, съ несчастнаго дня паденія, о своемъ проступкѣ первый грѣшникъ—человѣкъ, праотецъ нашъ Адамъ. Съ него началось поврежденіе природы человѣческой, имъ же оставленъ намъ и примѣръ раскаянія. Св. Церковь въ кающемся грѣшникѣ, просящемъ Господа *«внять гласу моленія»* указываетъ намъ виновнаго Адама: вся жизнь его—падшаго была полна горькаго труда, безропотнаго терпѣнія и непоколебимаго упованія на милосердіе Божіе. Тяжко было его

паденіе, но велико и раскаяніе: Господь простилъ его, и сосрчислилъ къ сонму Своихъ праведниковъ.

Грѣшны, многогрѣшны передъ Богомъ всё мы, — въ этомъ превзошли праотца своего, а обращаться къ Отцу Небесному за помощію, съ раскаяніемъ въ проступкахъ, лѣнны и нерадивы. Забываемъ и несознаемъ, на горе и бѣду себѣ, что безъ высшаго, небеснаго покровачеловѣкъ совѣтъ жалокъ и несчастливъ.

Посмотрите на жизнь со вниманіемъ, и вы увидите, что каждый изъ насъ, съ самага ранняго дѣтства и до могилы, во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, много нуждается въ помощи Божіей: со своими только силами мы такъ слабы для добрыхъ дѣлъ.

Самое явленіе человѣка на свѣтъ Божій сопровождается тяжкими болѣзнями матери и горькимъ плачемъ новорожденнаго. *Во беззаконіяхъ зачатый, во грѣхахъ рожденный*, младенецъ первыми днями своего земнаго бытія живо напоминаетъ о страшной порчѣ, такъ глубоко повредившей прекрасную природу человѣка. Эти частыя слезы ребенка, эти постоянныя стenanія и вопли дѣтскаго возраста что такое, какъ негромкій, хотя и несознательный голосъ созданія къ своему Создателю? Размышляя о плачевныхъ и многоболѣзненныхъ лѣтахъ младенческихъ, невольно обратишь молитвенный взоръ къ Богу, и воззовешь къ Нему: «Господи! немощнымъ явился я на свѣтъ; множество скорбей и болѣзней наслѣдовалъ отъ предковъ; по самой природѣ своей, испорченной грѣхомъ, склоненъ къ пороку и злу; неоставь бѣдное созданіе Твое, отъ рожденія такое жалкое. Усердно молю Тебя: *услыши мя*, — поддержи и укрѣпи.

Лѣта юности, полная силъ, надеждъ и увлеченій, — лѣта кипучей, веселой, любвеобильной дѣятельности всегда бываютъ такъ плѣнительны и незабвенны: золотое-то время. Молодость не знаетъ глубокой скорби, легко забываетъ обиды, не мучится тяжелыми думами о грядущемъ — будущемъ, беззаботно, какъ птица вольная, радуется, поетъ, порхаеъ. Отдаваясь потоку внѣшнихъ впечатлѣній, юноша рѣдко даетъ себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ: онъ дѣйствуетъ безкорыстно, самоотверженно, но по большой части неразумно, ошибочно. Довѣрчивый, неопытный, и въ тоже время слишкомъ самонадѣянный молодой человѣкъ безпечно проводитъ свою *весну* жизни, — мало сѣетъ на нивѣ сердца своего сѣмянъ добра и пользы; отъ этого нива глохнетъ и зарастаетъ *терніемъ и волчцями*... Время между тѣмъ летитъ быстро и невозвратно: юноша и не за-

мѣтитъ, какъ наступать для него лѣта зрѣлости, — лѣта заботъ, хлопотъ, тяжкихъ трудовъ, изъ него выходитъ семьянинъ, гражданинъ, общественный дѣятель. Посмотришь на него, — а онъ такой неподготовленный, такой неустойчивый, такой малосодержительный. Жаль юныхъ лѣтъ, загубленныхъ напрасно; жаль цвѣтушихъ силъ, потраченныхъ бесполезно; жаль дорогихъ талантовъ, зарытыхъ въ землю бесплодно. Чѣмъ памятна золотая молодость? Чаше всего увлеченіями, промахами, ошибками, иногда на всю жизнь непоправимыми. Милосердый Господи! Вонми гласу моленія, *и грѣхи юности наша не помани.* (Псал., 24, ст. 7).

Возрастъ зрѣлости и возмужалости такой періодъ въ жизни человѣка, когда отъ него требуется особенно много и опытности, и терпѣнія и трудолюбія. Въ эти лѣта на cadaго изъ насъ возлагаются многоразличныя и сложныя обязанности, отъ честнаго исполненія которыхъ зависитъ благосостояніе не только семьи, но и общества. Даже при полной добросовѣстности, при глубокомъ знаніи дѣла и при горячемъ усердіи къ нему, не легко человѣку, какое-бы скромное положеніе не занималъ онъ въ обществѣ, безупречно выполнить свой долгъ. А что сказать о священныхъ обязанностяхъ отца, мужа, матери, жены? И своя оплошность и нерадивость, и обиды отъ не добрыхъ людей, и семейныя невзгоды и неудачи, и разныя другія бѣды и напасти, коими переполнена земная жизнь, не напрасно въ святомъ писаніи называемая *подолио плача*, — все это вмѣстѣ бываетъ для человѣка источникомъ огорченій. Безропотно переносить ихъ, — для этого требуется много характера, много силы, много вѣры въ Бога. А гдѣ они у насъ, слабыхъ и не мощныхъ? Не види, Господи, въ судъ съ недостойными рабами Твоими: внемли гласу искренняго раскаянія нашего: услыши, помилуй и прости!

За лѣтами зрѣлости незамѣтно подкрадывается къ человѣку старость: не веселый возрастъ. Еще древній мудрецъ сказалъ: «старость сама по себѣ есть болѣзнь», — и сказалъ великую истину. Въ эти лѣта у человѣка мало по-малу силы ослабѣваютъ, чувства притупляются, умъ и память теряютъ свою крѣпость и живость. Прежнія развлеченія и удовольствія, которыя нѣкогда такъ нравились, для старца теряютъ свою заманчивость и прелесть. А душа и у старыхъ людей живетъ, хочетъ жить, требуетъ жизни: ее надобно чѣмъ либо наполнять. Чѣмъ-же? Воспоминаніемъ прошлаго, прожитаго, минувшаго. Счастливъ человѣкъ, если на закатѣ дней своихъ, можетъ смѣло, безъ горькихъ упрековъ совѣсти, сказать: «не да-

ромъ я пожилъ на свѣтъ; потрудился для пользы, добра и чести; не забывалъ Творца и Господа; не обидѣлъ ближняго; помогалъ, по силѣ и достатку, сиротѣ и убогому. Съ утѣшеніемъ и любовію вспоманетъ почтенный старецъ это хорошее—прошлое; легко ему сдѣлается на сердцѣ; помирится онъ съ своею немощною старостію, и спокойно будетъ доканчивать свой не долгій вѣкъ. Но много ли такихъ желанныхъ старцевъ и старлицъ? Большинству, громадному большинству людей, дожившихъ до старости, тяжело оглядываться на прошлое: въ немъ такъ много ошибокъ и погрѣшностей, за которыя совѣсть, этотъ не подкупный и всегдашній судія нашъ, неодобряетъ. И выходитъ: о прошломъ у такихъ людей сожалѣніе; въ настоящемъ—недовольство и болѣзненность; въ будущемъ—близкая могила. Состояніе души у нихъ тревожное, мучительное. Гдѣ и въ чемъ найти облегченіе и успокоеніе? Только у Господа Бога, только въ молитвѣ. Склонись, согбенная лѣтами старость, предъ иконою Христа, твоего Спасителя и Искупителя, воздохни изъ глубины сердца и воззови: «Не помяни, Владыко, беззаконій моихъ; прости за прошлое, подкрѣпи въ настоящемъ, утѣшь и прости въ будущемъ».

Но никогда человѣкъ не нуждается такъ много въ небесной помощи, никогда не сознаетъ онъ такъ глубоко своего безсилія и недостойнства, какъ при отходѣ изъ этой жизни на тотъ свѣтъ, какъ на одрѣ болѣзни и смерти. Чѣмъ ближе наступаетъ разлука души съ тѣломъ, тѣмъ яснѣе и правильнѣе христіанинъ смотритъ на свою земную жизнь, на свои поступки и дѣла. Въ предсмертные дни и часы страсти, пороки умолкаютъ, богатства и почести земныя мало занимаютъ: предъ человѣкомъ открывается иная жизнь, гдѣ *царь и рабъ, богатый и убогий въ равныхъ достоинствахъ*,— гдѣ *каждо* (каждый) *отъ своихъ дѣлъ прославится или постыдится*,— гдѣ цѣнятся одни только добрыя дѣла—честность, любовь и правда. Въ этой жизни мало мы думаемъ, да и не любимъ думать, о той—другой жизни; забываемъ, что здѣсь—на землѣ мы только на время, *странники и пришельцы*. *Человѣкъ*, поучаетъ насъ св. царь Давидъ, *человѣкъ, яко трава; днѣ его, яко цвѣтъ сельный* (цвѣтокъ полевой) *такъ отцвѣтетъ*. А жизнь, которая слѣдуетъ за гробомъ, послѣ смерти, нескончаемая—вѣчная. Потому, когда человѣку приходится переселяться изъ этого міра въ другой міръ (неизбѣжная участь каждаго!) ему и дѣлается страшно: невѣдома та загробная жизнь, не думалъ онъ о ней и не приготовился къ ней. Самые нерадивые, самые безпечные, самые безбожные люди, уми-

рая, часто воспоминають Бога и невольно творять на себѣ крестное знаменіе. Душа, отрѣшаясь отъ тѣла, видитъ, какъ ничтожны блага земныя, которыя она съ такою любовію прибрѣтала и собирала, и какъ важны и необходимы добрыя дѣла; о коихъ меньше всего помышляла: ей становится и стыдно и страшно за себя;—и она устремляется подъ защиту креста Христова.

Лежитъ человеку единому умерети, потомъ же судъ, поучаетъ насъ слово Божіе. Страшно Господи, явиться на Твой праведный судъ; трепетно предстать предъ Твоими святѣйшими очами съ дѣлами темными и грѣшными: усердно молимъ Тебя, въ часъ смертной оградѣ насъ святыми Твоими ангелами, и тамъ, на судѣ праведномъ, не требуй отъ насъ дѣлъ праведныхъ, а помилуй по великой Твоей милости!

Откуда и какъ не посмотришь на жизнь человѣка, вездѣ и всегда потребна ему помощь Божія: безъ ней онъ—*и алченъ, и гладенъ, и нищъ и убогъ*. Счастливы тѣ изъ насъ, которые сознають свое безсиліе, свою немощность и, въ чувствахъ смиренія и покаянія, непрестанно взываютъ на небо, къ Богу: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя; возьми гласу моленія моего*: усердная, горячая молитва дойдетъ до престола Божія, и приведетъ оттуда вѣрующему великія и богатая милости.

III.

Положи Господи храненіе устномъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ.

Не напрасно въ дни покаянія и поста Церковь Божія съ колѣнопреклоненіемъ молится о томъ, что бы Отецъ Небесный предохранилъ насъ отъ праздныхъ, пустыхъ и злыхъ бесѣдъ,—что бы изъ устъ нашихъ не исходило слово недоброе, пересудливое, обидное. Знаетъ она, мудрая и чадодобивая Мать наша, что ничѣмъ мы такъ много и такъ тяжко не грѣшимъ, какъ именно нашимъ словомъ, нашимъ языкомъ, — знаетъ, и вразумляетъ насъ быть внимательными, осторожными на словахъ.

Мы недостаточно бережемъ свое слово; мы зачастую брасаемъ его зря—необдуманно. Мало этого: у насъ умѣнье говорить много, въ смыслѣ болтать, забавлять и смѣшить другихъ безмысленными или двусмысленными разсказами нѣкоторые ставятъ человѣку чуть-ли не въ достоинство.

Не такъ смотрѣли на даръ слова люди мудрые, святые. *Положи, Господи, храненіе устномъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ мо-*

ихъ,—молился св. царь Давидъ. *О, еслибы кто поставилъ стражу на уста мои и положилъ печать благоразумія на языкъ мой, чтобы мнѣ не согрѣшить отъ нихъ, и чтобы языкъ мой не погубилъ меня,*—такъ говорилъ премудрый Сирахъ (Сир. гл. 22, ст. 31). *Господи и Владыко живота моего... духъ празднословія не даждь ми,*—молитвенно взывалъ св. Ефремъ Сиринъ. *Языкъ нашъ—врагъ нашъ,*—гласить мудрое народное присловіе.

Причина, почему мы часто пользуемся даромъ слова небрежно и невнимательно, заключается въ томъ, что мы не знаемъ, какое высокое и драгоценное дарованіе Божіе—наше слово,—какъ много значить оно чистое, святое, разумное, и, наоборотъ, какъ губительно и вредно—неправое, лукавое, злое.

Даръ слова—есть лучшее украшеніе человѣка, которымъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ тварей земныхъ. Словомъ мы выражаемъ свои мысли, чувства и желанія; словомъ дѣлимъ радости и печали, отчего первыя дѣлаются полнѣе и пріятнѣе, а послѣднія—легче и сноснѣе; словомъ возносимъ Отцу Небесному молитвы, прошенія, благодаренія. Чтобы глубже понять всю цѣну этого дарованія Божіяго, посмотрите на человѣка, лишеннаго способности говорить—на нѣмаго: какъ больно и тяжело видѣть знаки, коими онъ усиливается что нибудь намъ сообщить и передать. Далѣе: человѣкъ есть существо общественное, у каждаго изъ насъ есть родные, знакомые, каждый имѣетъ дѣла и сношенія съ другими людьми. И семья и родство, и дружба и служба—чѣмъ они связуются и скрѣпляются? Словомъ. Чѣмъ даются совѣты, наставленія, распоряженія? Словомъ. Чѣмъ заявляемъ мы ближнему своему любовь, радость, печаль, тоску? Словомъ. Чѣмъ поддерживаемъ сношенія съ людьми, намъ близкими и дорогими, но разлученными на далекое пространство? Тѣмъ же словомъ, только писаннымъ: «Отнимите у людей слово, говоритъ одинъ знаменитый проповѣдникъ Православной Русской Церкви¹⁾—отнимите у людей слово, и все остановится въ мірѣ человѣческомъ. Зачѣмъ же покрывать, продолжаетъ онъ, державчиною грѣха или дѣлать ядовитую золотую цѣпь, связующую все человѣчество?» Грѣхъ и грѣхъ.

Слово,—надобно помнить всѣмъ и каждому,—высказанное нами, не пропадаетъ, не уничтожается, а выслушанное одними людьми передается дру-

¹⁾ Сочин. Иннокентія, Архіеписк. Херсонск., т. 6, стр. 304; изд. 1874 г.

гимъ, этими другими—еще новымъ, и такимъ путемъ оно проходитъ по разнымъ ушамъ, по разнымъ устамъ,—и проходитъ не безслѣдно, а производитъ такое или другое дѣйствіе. Въ безсмертной душѣ человѣка ничто не пропадаетъ. Доброе, разумное слово пробуждаетъ въ душѣ и мысли и чувства чистыя—благія; а лукавое и злое—и плодъ рождаетъ по роду и виду своему. Одно слово, брошенное необдуманно, въ жизни нерѣдко порождаетъ множество неприятностей, ссоръ и бѣдствій; одно слово—гнилое—развратное можетъ омрачить и смутить юныя чистыя сердца. Многимъ, очень многимъ изъ насъ,—надобно сознаться по совѣсти,—за неосторожное слово приходилось и приходится платить дорого: одумаешься, да уже поздно. Бѣда въ томъ, что слова быстро, какъ птицы, летаютъ изъ устъ въ уста. Пройдутъ мѣсяцы, годы, и слово будетъ передано многому множеству людей, и коснется полезно или вредно многого множества сердецъ.

Празднословіе, пустословіе у насъ чаще всего бываетъ злословіемъ. О чемъ любители поболтать бесѣдуютъ? Почти всегда о недостаткахъ и слабостяхъ другихъ: сплетнямъ и пересудамъ нѣтъ конца. И людямъ, серьезнымъ, благонамѣреннымъ, не нравятся эти словоохотливые, пересудливые говоруны: Господу Богу они противны. *Всяко слово праздное, —вѣщаетъ намъ святое Евангеліе,—всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣци, воздадутъ о немъ слово (дадутъ отвѣтъ) въ день судный (Мѡ. гл. 12, ст. 36).*

Слабость осуждать ближняго всегда непохвальная, въ дни говѣнія и поста особенно предосудительна. Почему мы такъ любимъ судить и ридить о чужихъ недостаткахъ? Отчего это намъ такъ нравится? Оттого, что черноту другихъ мы хотимъ себя обѣлить,—униженіемъ ближняго себя возвысить. Развѣ это честно и благородно? Конечно, на словахъ прямо мы того не заявляемъ; напротивъ, къ слабостямъ другихъ относимся съ видимымъ сожалѣніемъ: а въ душѣ, если заглянуть въ нее поглубже, при разборѣ недостатковъ другаго, таится злое чувство довольства тѣмъ, что «ближній нашъ позволяетъ себѣ и то—и то недобрительное, а я—нѣтъ»,—или «если у меня есть проступки, такъ у другаго ихъ еще больше». Въ испорченномъ, грѣшномъ сердцѣ нашемъ нерѣдко подъ видомъ участія скрывается мелочное—преступное желаніе выставить себя на счетъ другаго: печальное величіе!

Доброе имя, своя честь каждому человѣку дороги: больно, когда ихъ чернятъ. Мы огорчаемся, когда другіе насъ пересуждаютъ, про насъ сплетничаютъ: зачѣмъ же эту обиду причиняемъ другимъ? И когда? Въ святые дни покаянія: вдвойнѣ грѣшно.

Ты кто еси, судяй чуждему рабу,—спрашивалъ св. апостоль Павелъ современныхъ ему христіанъ, любившихъ осуждать другихъ. Проще сказать: самъ-то ты, осуждающій ближняго, каковъ? Развѣ праведенъ, безгрѣшенъ? Каждый разъ, когда придетъ охота къ сплетнямъ и пересудамъ, припомнимъ, что мы сами грѣшны и многогрѣшны передъ Господомъ, что у насъ самихъ недостатковъ и слабостей многое множество. А то у ближняго замѣчаемъ *сучецу въ глазу, а у себя не видимъ и бревна.*

Да будетъ всякъ человекъ, поучаетъ св. апостоль Іаковъ, *да будетъ всякъ человекъ скоръ услышати и косенъ глаголити* (Іак. 1, 19), то есть, каждый изъ насъ больше слушай, а меньше говори. Мудрое, золотое наставленіе!

IV.

Неуклони сердце мое въ словеса лукавствія, неощевати вины о грѣсѣхъ.

Не допусти, Господи, чтобы сердце мое хитростію и лукавствомъ прикрывало и изгибало грѣхи мои,—вотъ о чемъ словами этими слезно просилъ Бога царь и пророкъ Давидъ. Указанная молитва псалмопѣвца, особенно приложима—къ настоящему времени, къ днямъ поста и покаянія,—и къ современному обществу, которое въ большинствѣ своихъ членовъ особенно юныхъ и, такъ называемыхъ, передовыхъ, не признаетъ за собою почти никакихъ проступковъ, и, что всего удивительнѣе, дѣла неправедныя хитро введенныя, считаетъ подвигами. То, что искони здравомыслящіе люди презирали, какъ злолютое, напримѣръ обманъ, наживу на чужой счетъ, нарушеніе супружескихъ обязанностей, противленіе законной власти, даже самоубійство, нынѣ нѣкоторыми понимается какъ дѣло самое обыкновенное, чуть-чуть не похвальное. Богъ, Церковь, совѣсть мало-по-малу изгоняются изъ жизни, какъ нѣчто устарѣлое, годное только для людей неразвитыхъ и безхарактерныхъ, для невѣждъ и трусовъ.

Понятія, мысли и убѣжденія непремѣнно обнаруживаются въ жизни, въ дѣлахъ и поступкахъ человѣка. Чѣмъ же заявилъ себя это новое направление, попирающее Вѣру, семью, честь и стыдъ? *На терновникѣ не растетъ виноградъ,* говоритъ святое Евангеліе (Мѡ. 7 глава, 16 ст.);

такъ и отъ злаго сѣмени произрасли горкіе плоды—плевелы, да такіе плевелы, которые всѣхъ благомыслящихъ людей приводятъ въ ужасъ и содроганіе. Теперь такъ часто и такъ многіе задаются вопросами: откуда у насъ, среди добраго, благочестиваго русскаго народа являются безбожники и вранольники? Откуда, въ молодомъ поколѣніи, нерѣдко замѣчается неуваженіе къ религіи, къ семьѣ, къ чужому достоянію, — къ законной власти? Откуда, наконецъ, это противіе законамъ природы, презрѣніе къ жизни, — такъ часто проявляющееся въ убійствахъ и самоубійствахъ? отъ гдѣ и

Подобные тяжелые, душу щемящіе вопросы, каждый рѣшаетъ по своему; но болѣею частію такъ, что самъ онъ — рѣшитель тутъ не причѣтъ, ни въ чемъ неповиненъ. Мы, относительно сего печальнаго явленія, высказываемъ мнѣніе, которое намъ кажется и простымъ, и правдоподобнымъ и дѣло разъясняющимъ: и по нашему глубокому убѣжденію, въ неприглядномъ современномъ направленіи юношества виноваты, и много виноваты мы всѣ.

Нетицевати вины о грѣсѣхъ, — извинять и оправдывать прегрѣшенія — всегда непохвально, а въ святые дни покаянія и поста совсѣмъ непростительно. Не изъ ада, не изъ преисподней пришли къ намъ нарушители нашего общественнаго покоя, подрывающіе религію и нравственность: они родились въ нашихъ семьяхъ, учились, непременно учились, въ нашихъ школахъ. Мы намѣренно прибавили: *непремѣнно учились*. Простой, неграмотный и малограмотный народъ, благодаря Господа, доколѣ еще не причастенъ къ новымъ вреднымъ взглядамъ на Вѣру и нравственность. Да неподумаетъ кто нибудь, что наука создала сихъ *сыновъ тьмы*: нѣтъ, наука истинная — свѣтъ, добро и счастье; она не только не враждуетъ съ Церковію, а всегда покорна и послушна ей. На бѣду и горе, почтеннымъ именовъ науки иногда прикрываются нелѣпыя взгляды недоучекъ и недорослей, выхватывающихъ изъ науки только то, что имъ нравится, — что угождаетъ и лѣгитъ испорченному и развращенному сердцу человѣческому.

Давненько, дѣтъ двадцать назадъ, у насъ на святой Руси появилось изъ чужихъ краевъ новое ученіе, что *человѣкъ есть высшая порода животныхъ*: никакой души безсмертной у него нѣтъ». Ученіе это, по нашему слѣпому и неразумному подражанію всему иноземному, встрѣтило у насъ радушный приѣмъ: ему обрадовались какъ новинкѣ, диковинкѣ, и имъ многіе, особенно молодые умы, увлеклись. Горько заплатились и

платимся мы за это заморское просвѣщеніе. Чѣмъ оно насъ наградило? Вотъ чѣмъ—послушайте.

«Человѣкъ есть высшая порода животныхъ, — нѣтъ у него безсмертной души». Значить, нѣтъ будущей загробной жизни, нѣтъ Бога, нѣтъ совѣсти, что же есть у этого животнаго высшей породы? Да, тоже, что и у всѣхъ животныхъ, именно — животные инстинкты: пожить въ утѣху и сласть. Не здѣсь ли кроется причина, почему въ современномъ обществѣ такъ много и такъ часто и толкуютъ о выгодахъ, удовольствіяхъ, удобствахъ: животнымъ о чемъ же больше и хлопотать?

Какъ нажить, какъ добыть удобства жизни? Какъ сумѣешь; обманомъ, воровствомъ—все равно; вѣдь Бога нѣтъ и суда будущаго не существуетъ: совѣсть—пустое слово. Обдѣлывай дѣла похитрѣе—да поумнѣе, прячь концы подальше и будешь богатъ и у многихъ въ почетѣ. Подобныхъ героевъ нынѣ дѣйствительно немало.

«Нѣтъ совѣсти, нѣтъ и чести». Всѣ союзы, основанные на чести, у такихъ людей непрочны. Не по вкусу инстинкту дружескій, семейный, супружескій союзъ, разрывай его; животнымъ нечего и нечѣмъ стѣсняться. Нынѣ многіе изъ животныхъ высшей породы, а именуемыхъ человѣками, и не стѣняются на счетъ этого.

Власть родительская, власть общественная не дозволяютъ разгуль животнымъ инстинктовъ: прочь ее, чтобы не мѣшала жить..... жизнью животныхъ.

Неудача въ жизни, не достаются желанные утѣхи и забавы,—кончить съ жизнью. Годомъ раньше, годомъ позже, все равно животнымъ гнить въ землѣ: для нихъ вѣдь никакой другой жизни не полагается.

Тяжело перечислять и больно слушать тѣ ужасныя послѣдствія, кои прямо и неминуемо вытекаютъ изъ постыднаго взгляда на человѣка, какъ на животное высшей породы. Взглядъ этотъ потворствуетъ и льститъ животнымъ инстинктамъ человѣка (потому-то такъ и нравится людямъ безнравственнымъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаетъ всѣ самые святыя основы семьи и общества.

Чего, чего не придумаетъ лукавое сердце, чтобы извинить и оправдать свою дурную жизнь, свои темныя дѣла? Оно готово даже обратить человѣка, это Богоподобное существо, въ какое-то животное высшей породы....лишь-бы въ дѣлахъ своихъ никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняться!

Милосердный Господи! не уклони сердце наше въ слова лукавства нещевати вины о грѣсахъ; а даруй намъ зрѣти наша беззаконія,—ясно сознать и искренно раскаяться!

О П И С А Н І Е

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ВСЕЙ ГВАРДІИ СОБОРА.

(Продолженіе).

Причтъ Преображенскаго собора.

Штатъ причта Преображенскаго собора не всегда былъ въ такомъ составѣ членовъ, въ какомъ онъ состоитъ теперь. До 1747 года при церкви л.-гв. Преображенскаго полка былъ одинъ священникъ и одинъ дьячекъ; послѣдній—изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. 1747 года декабря 13 дня императрица Елизавета Петровна повелѣтъ соизволила: «быть двумъ священникамъ при л.-гв. Преображенскомъ полку, понеже въ реченномъ полку однихъ полковыхъ чиновъ съ женами, дѣтьми и служителями болѣе семи тысячъ человекъ». Въ списокъ 1749 года, о довольствіи л.-гв. Преображенскаго полка, значится уже два церковныхъ дьячка. Въ 1751 году опредѣленъ діаконь. 1752 года, января 28 дня Ея Величество имяннымъ своимъ указомъ повелѣтъ соизволила—быть при Преображенскомъ соборѣ протопопу¹⁾. Такимъ способомъ образовался штатъ соборнаго духовенства: протопопъ, 2 священника и діаконь; съ симъ вмѣстѣ, по всей вѣроятности, былъ назначенъ и третій дьячекъ, или пономарь.

По обращеніи въ 1799 году Преображенскаго собора въ приходскую церковь, штатъ причта сократился; тогда по штату положено быть только: священнику, діакону, дьячку и пономарю.

Когда же Преображенская церковь, въ 1806 году, возстановлена была на степень собора всей гвардіи, тогда и штатъ причта снова увеличился. 14 сентября 1806 года Святѣйшимъ Синодомъ, по Высочайшей волѣ Государя Императора, поручено было оберъ-священнику арміи и флота І. С. Державину составить примѣрный проектъ штата причта, съ окладами жало-

¹⁾ Указы Батурина л.-гв. въ Преображ. полк., 31 янв. 1852 г. См. въ полк. архивѣ.

ванья для Преображенскаго собора, соответственно собора всей гвардіи и слѣдовательно первой церкви во всей арміи. По сему оберъ-священникъ Державинъ, составивъ таковой штатъ, и представилъ оный Святѣйшему Синоду, съ предположеніемъ: при Преображенскомъ соборѣ учредить

1-го протоіерея съ жалованьемъ ему	800 руб.
2-хъ священниковъ, изъ коихъ старшему быть	
сакелларіемъ съ жалованьемъ	600 руб.
младшему священнику жалованья	500 руб.
2-хъ псаломщиковъ съ жалованьемъ по	200 руб.
2-хъ пономарей съ жалованьемъ имъ по	150 руб.

Всѣмъ вообще жалованья въ годъ. 3000 руб.

Святѣйшій Синодъ, находя число священнослужителей, при соборѣ всей гвардіи предполагаемое, соответственнымъ степени сего мѣста и надобности, а также назначеніе окладовъ жалованья достаточнымъ для безбѣднаго содержанія, представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано: «Быть по сему». 30 октября 1808 года.

Въ такомъ количествѣ членовъ штатъ причта состоитъ и по настоящее время, съ измѣненнымъ только содержаніемъ.

Правда въ 1860 году по Высочайшему повелѣнію, прибавленъ къ штату собора третій священникъ и одинъ дьячекъ изъ духовнаго званія, съ содержаніемъ изъ суммъ собора, съ тѣмъ, чтобы они находились въ постоянной командировкѣ при церкви Преображенскаго госпиталя, для исполненія Богослуженія и прочихъ духовныхъ требъ; но въ 1883 году Преображенскій госпиталь закрытъ, а съ симъ вмѣстѣ, за не надобностію, упразднена и вакансія третьяго священника и причетника при Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ.

Списокъ лицъ причта Преображенскаго всей гвардіи собора съ 1706 по настоящее время.

1) Священники, бывшіе до именованія полковой Преображенской церкви соборомъ:

Дмитрій Гавриловъ съ 1706 г.—1718 г.

Іоаннъ Максимовъ съ 1718 г.—1727 г.

Григорій Лаврентьевъ съ 1726 г.—1737 г.

Іоаннъ Комаровскій съ 1734 г. —1749 г.

2) Причтъ собора до обращенія его въ приходскую церковь.

Протоіерей:

Лука Ивановъ съ 1752—1758 г.г.

Андрей Михайловъ съ 1758—1781 г. Съ 1768 былъ членомъ Святѣйшаго Синода, и ему, какъ члену Синода, повелѣно во всѣхъ церковныхъ процессіяхъ противъ игуменовъ имѣть совершенство.

Симеонъ съ 1781 года. Объ этомъ протоіерей, кромѣ того, что онъ былъ при посольствѣ въ Парижѣ священникомъ и потомъ, по Высочайшему соизволенію, опредѣленъ протопопомъ въ Преображенскій всей гвардіи соборъ, ничего неизвѣстно, даже фамиліи.

Лукіанъ Ѳедотовъ Протопоповъ съ 1774 г.—1798. Изъ протодіаконовъ Тверской епархіи въ 1774 году былъ рукоположенъ во священника въ Преображенскій соборъ; въ 1776 г. сдѣланъ ключаремъ собора; въ 1784 г.—благочиннымъ. Въ обыскной книгѣ 1793 г. Лукіанъ Ѳедотовъ значится: членъ Святѣйшаго Синода и протоіерей, но когда онъ возведенъ въ санъ протоіерея и сдѣланъ членомъ Святѣйшаго Синода не извѣстно. Въ 1798 г. по Высочайшему повелѣнію переведенъ въ Московскій Успенскій соборъ.

Священники:

Михаилъ Ивановъ съ 1747—1776 г. Былъ ключаремъ съ 1769 г.

Иванъ Карповъ съ 1718 года.

Григорій Стринжа съ 18-го Іюля 1756 г.

Стефанъ Васильевъ съ 1758 года. Сначала былъ діакономъ Преображенскаго собора, въ который поступилъ тоже изъ діаконвъ Никольской, что на Арбатѣ, въ Москвѣ церкви, а въ 1762 г. рукоположенъ во священника къ сему же собору.

Іоаннъ Стефановичъ Веселовскій съ 1786 г.—1797. Обучался въ Новгородской духовной семинаріи и изъ учителей оной рукоположенъ въ 1784 г. во священника въ С.-Петербургскій Петропавловскій соборъ, а 1786 г. переведенъ въ Преображенскій; 1797 г. перемѣщенъ въ кавалергардскій корпусъ.

Хрисановъ Егоровъ съ 1788—1797 г.

Левъ Яковлевъ Евенховъ съ 1797 г. изъ діаконвъ сего же собора рукоположенъ во священника и 1804 года умеръ.

Діаконы:

Алексій Антоновъ съ 1751 г.

Алексій Ѳедоровъ съ 1754—1758-й годъ, въ который опредѣленъ священникомъ придворной конюшенной церкви.

Николай Путиловъ съ 1762—1768 г., въ который рукоположенъ во священника къ госпитальной церкви полка.

Стефанъ Михайловичъ Гольмскій съ 1762—1773, когда назначенъ священникомъ къ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на Невскомъ проспектъ.

Иванъ Никифоровъ, изъ семинаристовъ Новгородской духовной семинаріи, съ 1772—1774 г., въ который рукоположенъ во священника къ Знаменской церкви, въ Царскомъ селѣ.

Иванъ Аввакумовъ, изъ студентовъ Новгородской духовной семинаріи, съ 1774—1779 г., въ который переведенъ діакономъ же къ церкви Благовѣщенія, на Васильевскомъ островѣ.

Александръ Тимофеевъ Архангельскій съ 1779—1785 г.

Петръ Алексеевъ съ 1785—1799 г.

Дьячки же были изъ военно-служащихъ нижнихъ чиновъ.

3) Причтъ Преображенскаго собора обращеннаго въ 1799 г. въ приходскую церковь.

Священникъ Павелъ Ивановичъ Рабининъ съ 1799 по 1831 годъ. Рукоположенъ изъ діаконовъ Пантелеймоновской церкви. По обращеніи же Преображенской церкви въ соборъ, причисленъ былъ съ приходомъ къ церкви великомученика Пантелеимона, а по утвержденіи новаго штата при Преображенскомъ соборѣ переведенъ былъ опять къ оному секелларіемъ 1809 г. 31 января. Въ 1825 г. назначенъ былъ духовникомъ ко двору Великаго Князя Михаила Павловича, но въ походахъ съ нимъ не былъ.

Діаконъ Иванъ Ивановъ, переведенный изъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря. Въ 1806 года поступилъ діакономъ же къ Входоіерусалимской-Знаменской церкви.

Дьячекъ Семенъ Афанасеевъ, переведенный тоже изъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, а въ 1806 г. поступилъ къ Пантелеймоновской церкви.

Пономарь Семенъ Петровъ переведенъ отъ церкви св. Захарія и Елисаветы, что при старой подиціи, а въ 1806 г. поступилъ къ Пантелеймоновской церкви.

(Продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія

3-го января сего 1890 г. въ г. Кишиневѣ совершилось освященіе вновь отведеннаго кладбища противъ мельницы г. Зоти для войскъ кишиневскаго гарнизона. Къ 10 часамъ утра отъ всѣхъ частей войскъ назначены были команды для присутствованія при освященіи. Освященіе имѣло совершить преосвященный Аркадій, за болѣзнию не могшій быть. Къ назначенному времени прибывшія войска были поставлены въ формѣ квадрата, въ центрѣ котораго расположены были аналой со всѣми принадлежностями, необходимыми для подлежащей цѣли. Военное духовенство во главѣ съ благочиннымъ 14-й пѣхотной дивизіи, діакономъ и архіерейскимъ хоромъ стояло въ ожиданіи пріѣзда высшаго военнаго начальства. Въ 10 часовъ прибыло военное начальство. Послѣ команды: «на молитву, шапки долой!» благочиннымъ о. Теодоромъ Евнитскимъ сказана была слѣдующая рѣчь:

«Земля еси и въ землю отидеши». Это изреченіе Всевышняго, сказанное нашему прародителю, непреложно исполняется на нашихъ глазахъ. Предѣлъ жизни человѣческой извѣстенъ. Еще за 1000 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр. Богодуховный псалмопѣвецъ Давидъ опредѣлилъ продолжительность жизни человѣческой сказавъ: «а еще въ силахъ, 80 лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь», за которыми, естественно, слѣдуетъ извѣстный исходъ.

Печальна эта тема, вѣрнѣе сказать, смерть, по поводу которой нѣ приходится высказать нѣсколько словъ: тяжела она для сердца человѣческаго, ни одинъ изъ насъ не можетъ отнестись къ ней безъ содроганія; но въ тоже время она на столько безотвязна, что ни на одну секунду не оставляетъ насъ, повторяя Божественное распоряженіе: «Земля еси и въ землю отидеши»; она разбиваетъ всѣ наши стремленія, всѣ наши идеалы, унося ихъ съ собою; но она же представляетъ намъ и положительную сторону, указывая на нашу жизнѣдѣтельность. Она всегда должна намъ напоминать, что мы должны представить отчетъ за всю свою жизнь. Грустна, конечно, на нашъ человѣческій взглядъ, смерть, но предѣлъ, положенный Богомъ, ни одинъ смертный не преидеть.

Собрались мы сюда, чтобы освятить это мѣсто упокоенія. И слава Богу, что, при помощи и заботливости высшаго начальства, мы имѣемъ оное. Такія кладбища уже давно заведены въ Россіи для христолюбиваго воинства.

Намъ, въ данную минуту, приходится съ одной стороны вознести молитву Господу Силь, вся устрояющему, за здравіе и долгоденствіе Государя Императора, Отца христолюбиваго воинства всей Россійской семьи,

заботящагося о всѣхъ нуждахъ ея, съ другой стороны — помянуть всѣхъ со-
ратниковъ — безъ различія оружія, «иже на полѣ брани, въ вертепахъ и про-
пастяхъ земныхъ» окончили свою жизнь. Такъ помолимся же.

За симъ послѣдовало молебствіе. Стройное пѣніе архіерейскаго хора,
оглашая воздухъ, привлекло много народа. По окончаніи молебствія съ во-
досвятиемъ, было провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому, затѣмъ,
вѣчная память всѣмъ умершимъ православнымъ воинамъ и многолѣтіе Все-
россійскому Христоролюбивому воинству ¹⁾.

По случаю кончины знаменитаго изъ военныхъ начальниковъ русской
арміи, генераль адъютанта Радецкаго, 16 янв. была отслужена въ Киши-
невскомъ кафедральномъ соборѣ литургія. Въ ней приняла участие часть со-
борнаго духовенства и военное. Память покойнаго, какъ начальника и ви-
новника переправы чрезъ Дунай въ минувшую войну и какъ начальника
8-го армейскаго корпуса и т. д., почтена была не однимъ присутствіемъ
высшаго военнаго начальства, но и другими людьми, которые искренно по-
желали вознести молитву о покойномъ. Предъ началомъ панихиды, послѣ
совершенія литургіи, всѣ офицеры 14-й пѣхотной дивизіи и артиллерійской
бригады были въ соборѣ. Благочинный 14-й пѣхотной дивизіи о. Федоръ
Евнитскій произнесъ при этомъ слѣдующую рѣчь:

«Смерть коситъ жатву жизни и каждый часъ добычи новой проситъ.
Ненасытная она! Третьяго дня взяла въ свои ледяныя объятія знаменитѣй-
шаго въ исторіи русскихъ военныхъ дѣятелей, генераль-адъютанта Федора
Федоровича Радецкаго.

Мы собрались въ храмъ Божій, почтя покойнаго, собрались для
общей молитвы, ибо общественная молитва сильнѣе и дѣйствиѣе единичной.

Еще древніе римляне сказали: «о мертвыхъ надо говорить или хоро-
шо или ничего». Но это изреченіе имѣетъ относительный смыслъ. При
воспоминаніи объ усопшемъ, въ особенности кто его зналъ и съ нимъ слу-
жилъ, нельзя не воспроизвести его духовно-нравственный ликъ въ нашей
памяти. Не касаясь Высочайшаго рескрипта, даннаго на имя покойнаго
13 августа прошлаго года, въ которомъ выражены всѣ доблести этого зна-
менитаго человѣка, я хочу дополнить ихъ еще нѣсколькими словами, кото-

¹⁾ «Бессар. Вѣстникъ», № 99-й.

рыя ясно будутъ поняты многими и во многихъ мѣстахъ Россіи: онъ говоритъ, какъ очевидецъ и нѣкоторымъ образомъ сослуживецъ.

Во время моей службы на Кавказѣ, покойный Θεодоръ Θεодоровичъ командовалъ 21-й пѣх. дивизіею. Не говоря о томъ прощальномъ приказѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, который былъ отданъ по войскамъ Кавказскаго округа, вслѣдствіе перевода Θεодора Θεодоровича начальникомъ 9 пѣх. дивизіи, спросите любого старослуживаго изъ этой боевой 21 дивизіи, и получите прямой отвѣтъ: «отецъ». Спросите 9 дивизію, которой онъ командовалъ до минувшей войны, получите тотъ же отвѣтъ. Спрашивать васъ, собравшихся здѣсь, считаю лишнимъ. Ликъ его предъ вами и въ васъ. Когда покойный былъ помощникомъ командующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, въ городахъ, во время посѣщенія имъ таковыхъ, его любвеобиліе, обходительность, на столько были обаятельна, что гимназисты и гимназистки не знали какъ приветствовать его, спѣша другъ передъ другомъ высказать свое уваженіе, свою любовь извѣстному герою.

Не многимъ достается подобная честь. Но эта честь поистинѣ справедливая, а почему и вполнѣ законная. Душа и сердце покойнаго были открыты для всѣхъ. Его любовь смягчала черствыя сердца. Его умъ давалъ совѣты, предъ которыми благоговѣли очень умные люди. Достаточно уже сказаннаго, чтобы мы, не примиряясь съ большой потерей для Россіи въ лицѣ Θ. Θ., помирились бы, по его духовно-нравственнымъ заслугамъ Вѣрѣ, Престолу и Отечеству, съ тою, по нашему убѣжденію, мыслею, что въ настоящее время его живой духъ — душа витаетъ между праведниками.

Но, однако, нѣтъ человѣка, который живя, не согрѣшилъ бы. Значитъ, намъ остается вознести усердную молитву за покойнаго, помолится о его вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ. Искренняя сердечная молитва сильна предъ Богомъ — такъ учитъ насъ наша мать св. церковь. Помолимся.

За симъ была совершена панихида по усопшемъ, при стройномъ пѣніи архіерейскаго хора ¹⁾.

Отъ редакціи.

1

Съ сердечною радостію, которую, конечно, раздѣлять съ нами и всѣ пастыри военнаго вѣдомства, мы печатаемъ ниже замѣчательное письмо,

¹⁾ «Бессар. Вѣстникъ», № 109.

полученное Главнымъ Священникомъ отъ одного высокопоставленнаго военнаго начальника, вотъ оно:

Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ и благодарностію, получивъ первый номеръ «Вѣстникъ Военнаго Духовенства», доставленный мнѣ при любезномъ письмѣ Вашемъ отъ 4 сего Января и взаимно поздравля Васъ съ наступившимъ новолѣтіемъ при пожеланіи всякихъ благъ, радуюсь и искренно желаю полного преуспѣнія новорожденному періодическому изданію, по Вашей благотворной инициативѣ предпринятому.

Да укрѣпляются подъ этимъ всепобѣждающимъ духовнымъ стягомъ силы и доблесть нашего православнаго воинства!

Да вздравствуютъ начинатель и его сотрудники!

Примите, Ваше Высокопреподобіе, засвидѣтельствованіе глубокаго уваженія и искреннѣйшей преданности.

Вашего покорнаго слуги Н. Н.

2

Примѣръ, заслуживающій подражанія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ одною изъ гренадерскихъ дивизій командовалъ почтенный генералъ, бывшій кавказскій герой въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Старикъ былъ очень строгъ и вся дивизія боялась его, какъ огня и вмѣстѣ съ тѣмъ любила, какъ отца. Неумолимый поклонникъ дисциплины, для котораго слово «подтянуть» равносильно было заповѣди— «не убей», «не украдь», онъ въ то же время былъ справедливѣйшій и добрѣйшій человекъ, неусыпно заботившійся въ особенности о нижнихъ чинахъ, всегда внимательный къ заслугамъ подчиненныхъ и разборчиво снисходительный къ ихъ слабостямъ, если они не нарушали собою требованій дисциплины. Многосемейный и глубоко религіозный, онъ всегда служилъ и для своей семьи и для цѣлой дивизіи поучительнымъ примѣромъ христіанскаго благочестія и любви къ церковному богослуженію; ни одной церков-

ной службы въ воскресные и праздничные дни не пропускалъ онъ; мало того, и ко всеобщему бдѣнію и къ божественной литургіи приходилъ всегда раньше другихъ, къ самому началу; чуть только раздастся благовѣсть церковный, нашъ генералъ тутъ, какъ тутъ, и еще не одинъ, а со всею своею семьей... Понятно, что вслѣдъ за генераломъ являлись и командиры частей, и офицеры, и нижніе чины не по наряду только; церковь Божія была у насъ всегда полна и многіе десятки свѣчей теплились предъ иконами. Пѣвчіе у насъ были превосходные, выбранные изъ всѣхъ полковъ дивизій. Хоромъ управлялъ молодой штабсъ-капитанъ, ученикъ знаменитаго Ламакина. Нѣкоторыя священныя пѣснопѣнія исполнялись у насъ дѣйствительно артистически художественно... Самъ генералъ сердечно любилъ церковное пѣніе и вся семья его была музыкальная, пѣвчая; бывало, стоятъ всѣ за правымъ клиросомъ и потихоньку подпѣваютъ пѣвчимъ...

Вечерами по праздникамъ и воскреснымъ днямъ собирались у генерала всѣ его добрые знакомые, въ особенности же своя родная дивизионная семья: тутъ бывали и бригадные и полковые командиры, начальник штаба и адъютанты, дивизионный врачъ и благочинный, многіе штабсъ-офицеры и молодые артиллеристы до прапорщика включительно; старшіе читали въ кабинетѣ газеты и журналы; молодежь затѣвала танцы, игры, хоровое пѣніе; былъ одинъ молодой офицеръ, отличный рассказчикъ анекдотовъ, въ родѣ Горбунова или Вейнберга; около него всегда собиралась порядочная кучка любителей его юмористическихъ рассказовъ; всѣмъ было весело, приятно, тепло и уютно... Памятны намъ эти семейные вечера у добраго генерала и кто имѣлъ удовольствіе бывать на нихъ, тотъ навѣрно никогда ихъ не забудетъ...

Но особенно памятною для всѣхъ останется ежегодно повторявшаяся въ семействѣ незабвеннаго генерала встрѣча новаго года. Вечеромъ собиралось обычное общество въ 11-ть часовъ молодая публика удалялась изъ зала въ другія комнаты, а въ залѣ дивизионный «батюшка» устраивалъ все необходимое для совершенія молебнаго пѣнія; въ переднемъ углу раскрывали большой столъ, разстилали на немъ церковную пелену, устанавливали св. иконы, водосвятную чашу, евангеліе, крестъ, священническое облаченіе; хоръ пѣвчихъ былъ наготовѣ — и какъ только оставалось не болѣе пяти или трехъ минутъ до «двѣнадцати», въ залу входилъ хозяинъ-генералъ въ сопровожденіи всѣхъ своихъ гостей и, при первомъ ударѣ столовыхъ часовъ, звучно раздавался возгласъ священника: «Благословенно царь»

ство»... тихо, торжественно, какъ-то величаво начиналось молебное пѣніе, положенное на новый годъ... Во время чтенія прекрасной молитвы новолѣтій все присутствующіе преклоняли колѣна, а послѣ многолѣтій прикладывались ко кресту, при чемъ священникъ окроплялъ всѣхъ святою водою; вслѣдъ затѣмъ начиналось общее взаимное поздравленіе съ новымъ годомъ.

Такъ благочестно и вмѣстѣ такъ искренно и задушевно совершалась встрѣча новаго года въ прекрасной семьѣ незабвеннаго генерала! О, дабы Богъ, чтобы этотъ примѣръ послужилъ образцомъ и для другихъ нашихъ русскихъ генераловъ.

3

СВЯЩЕННИКЪ ВАСИЛІЙ БОЛОТОВЪ.

27 декабря минувшаго (1889) года, въ г. Феодосіи, скончался священникъ церкви 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка **Василій Васильевичъ Болотовъ**. Сынъ священника Новгородской епархіи, о. Болотовъ, по окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ въ Новгородской духовной семинаріи, по второму разряду, началъ службу въ скромномъ званіи сельскаго учителя въ посадѣ Сомино, Новгородской губерніи, гдѣ состоялъ съ 3 іюня 1874 г. по 15 іюня 1875 г. Въ 1876 г. Василій Васильевичъ прибылъ въ Петербургъ и здѣсь поступилъ на гражданскую службу въ контору Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ которой и находился съ 1 марта 1876 г. по 1 января 1886 г. Съ этого послѣдняго срока В. В., по случаю измѣненія личнаго состава конторы, остался за штатомъ и началъ искать службы въ духовномъ званіи. 30 января 1886 г., по распоряженію Главнаго Священника Арміи и Флота, онъ назначенъ былъ на священническое мѣсто въ 15 пѣхотный Шлиссельбургскій полкъ и 9 февраля того же года былъ рукоположенъ въ священный санъ. Полный силъ и энергіи, о. Болотовъ отправился въ Шлиссельбургскій полкъ съ искреннимъ желаніемъ послужить святой церкви, какъ подобаетъ пасты-

рю Христова стада. Но недолго пришлось служить о. Болотову въ названномъ полку. Вскорѣ по прибытіи въ Остроленку — мѣсто квартированія полка, о. Василій, отправляясь на потребу въ весеннюю водополицу, провалился подъ ледъ въ одномъ изъ мѣстныхъ ручьевъ и, обледенѣлый, сдѣлавъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, получилъ сильнѣйшую простуду. Лечение болѣзни подвигалось очень медленно. По вниманію къ его болѣзненному состоянію, Главный Священникъ, перемѣстивъ его на священническое мѣсто къ церкви Бобруйскаго мѣстнаго лазарета 25 ноября 1887 г. Въ Бобруйскѣ о. Болотова ожидало новое горе: тамъ умерла его жена, оставивъ на попеченіи больнаго вдовца — четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ одинъ мальчикъ вскорѣ послѣ матери умеръ. По совѣту врачей, о. Болотову рекомендовано было отправиться на югъ и 8 марта 1889 г. о. Болотовъ, вслѣдствіе просьбы, перемѣщенъ былъ въ Феодосію, къ церкви Виленскаго полка. Предположеніе врачей не оправдалось: ни южный климатъ, ни красоты природы не спасли больнаго и, волею Божіею, о. Василій, послѣ изнурительной болѣзни, скончался, имѣя отъ роду только 39 лѣтъ. По смерти его стались круглыми сиротами трое малютокъ: сыновья *Олегъ*, пяти лѣтъ, *Василій*, 3 лѣтъ, и дочь *Анна*, 7 лѣтъ.

31 декабря 1889 г., послѣ божественной литургіи, отслуженной о. законоучителемъ Феодосійской женской гимназіи, священникомъ Н. Долгополовымъ, въ присутствіи всего мѣстнаго духовенства, гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Виленскаго полка, о. благочиннымъ 13-й пѣхотной дивизіи, протоіереемъ Григоріемъ Сокальскимъ торжественно совершено было, при участіи стройнаго полковаго хора пѣвчихъ, управляемаго подполковникомъ Манаевымъ, отпѣваніе усоншаго. По желанію общества гг. офицеровъ и по ходатайству командира полка А. К. Гека, о. Болотовъ погребенъ, съ разрѣшенія Преосвященнѣйшаго Мартиніана, Епископа Таврическаго въ мѣстной церковной оградѣ. Гробъ съ останками почившаго несли, съ духовенствомъ, гг. офицеры полка на своихъ рукахъ. Трогательное вниманіе гг. офицеровъ полка къ духовному ихъ отцу и теплое сочувствіе къ печальной участи осиротѣвшаго семейства выразилось еще и въ томъ, что общество гг. офицеровъ пожертвовало въ пользу сиротъ, изъ офицерскаго капитала, 200 рублей.

Съ глубокимъ утѣшеніемъ и благодарностію заносимъ это отрадное обстоятельство въ настоящій скорбный листокъ. Не смотря на кратковременное служеніе о. Болотова въ Виленскомъ полку, гг. офицеры счумѣли оцѣ-

нить своего духовнаго пастыря, дружно собирались вокругъ его гроба и такъ тепло, такъ существенно отнеслись къ горю семьи своего священника! Это — высокое утѣшеніе для всего военнаго духовенства!

По донесенію о благочиннаго Сокальскаго, и семья дивизионнаго духовенства готова оказать въ пользу осиротѣлыхъ малолѣтокъ о. Болотова посильное пожертвованіе.

Спасибо доброму полку и сослуживцамъ, скажемъ мы въ заключеніе, — и молитвенно пожелаемъ мира и вѣчнаго покоя — новопреставленному ірею Василию!

Изъ Ченстохова пишутъ: 27-го декабря и 2-го января въ Ченстоховѣ въ первый разъ происходили въ городской церкви духовныя бесѣды, предложенныя священникомъ Митавскаго полка о. *Булгаковскимъ* на темы — «За Вѣру, Царя и Отечество» и «Царица добродѣтелей». Слушателей набралось огромное число. Бесѣды произвели на публику сильное впечатлѣніе: Во время перерывовъ ихъ пѣлъ церковный хоръ изъ любителей, составленный благодаря директору мѣстной гимназіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Военному духовенству рекомендуются восковые церковныя свѣчи, вполне доброкачественныя, фабрики старосты Сергіевскаго всей артиллерійскаго собора купца Сергѣя Амвросіевича Варгунина, по цѣнѣ въ 20, 24, 28, 30 и 32 р. включительно. Магазинъ помѣщается въ СПБ., уголь большой Садовой и Толмазова переулкахъ, домъ Новинскаго.

Пересылка на счетъ фабриканта.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Таранецъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
—Петербургъ, Февраля 7 дня 1890 года.

Цензоръ Архимандритъ Григорій.

Тип. «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.